

ОТРАЖЕНИЕ РЕАЛЬНОСТИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В КУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ ЦЕНТРАЛЬНОЙ И Юго-Восточной Европы

DOI: 10.31168/2619-0869.2022.1.01

Образ стража-мусульманина в славянских житиях XVI в.

Никита Владимирович Евстафьев

Институт славяноведения Российской академии наук,
Москва, Российская Федерация; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Ключевые слова: Славянские жития XVI в., Османская империя, межконфессиональные и межнациональные отношения христиан и мусульман

The Portrayal of a Muslim Guardian in the XVIth Century's Slavic Vitae

Nikita V. Evstafyev

Institute of Slavic Studies, Russian Academy of Sciences,
Moscow, Russian Federation; e-mail: nikichan1@yandex.ru

Keywords: XVIth century's Slavic vitae, Ottoman empire, inter-religious and interethnic relations of Christians and Muslims

В XVI в. на балканских землях Османской империи пострадало за веру несколько христиан, позднее причисленных к лику святых: Георгий Новый Кратовец (Софийский) (ок. 1497–1515), Георгий Новейший Софийский (ум. между 1515 и 1538 гг.), Иоанн Серрский (ум. между 1500 и 1510 гг.), Антоний Супрасльский (вторая половина XV в. — начало XVI в.), Николай Новый Софийский (ок. 1510–1555) и др.

Для большинства из них были позднее составлены жития, ставшие одним из важнейших источников информации о положении подвластного Османской империи христианского населения. Агиографические произведения — это довольно специфический источник, который построен по определенной модели и не слишком точно отражает реальные события¹, однако сведения из житий способны как минимум пролить свет на то, как христианские авторы изображали османские власти и простых мусульман. Этой актуальной проблематике посвящено совсем немного научной литературы². Поэтому в настоящих тезисах мы обратим внимание на один из типичных для такой житийной литературы образов — образ стража-мусульманина, который охраняет темницу и конвоирует обвиняемого христианина на суд.

Разумеется, большинство «агарян» в житиях святых показаны отрицательно как гонители и хулители «истинной веры», испытывающие страх или ярость при соприкосновении с христианской верой. Стражи-мусульмане часто изображаются точно так же. Например, в житии Антония Супрасльского один из разъяренных стражей насмерть забил его железной палкой прямо перед казнью (правда, сам будущий святой спровоцировал конвоира, плюнув тому в лицо)³. В житии св. Иоанна Серрского стражи темницы испытывают ужас при виде божественного света, который появляется в ответ на молитвы Иоанна⁴.

Однако в этом ряду есть исключения. Так, в житиях Георгия Нового и Николая Нового Софийских мы встречаем как минимум нейтральный, а в некотором смысле и положительный образ стража-мусульманина, который интересным образом сочетается с таким же неоднозначным образом кадия (судьи шариатского суда). Наиболее показательный пример виден в житии св. Николая Нового Софийского⁵. Насильно обращенный в ислам, но втайне сохранивший христианскую веру, Николай в конце концов был раскрыт и схвачен разъяренной толпой мусульман. Кадий поместил его на время в темницу, где остальные заключенные (мусульмане) относились к сокамернику-христианину негатив-

но и всячески пытались ему навредить⁶. Более того, во время общения с посетителями Николаю и другим христианам пришлось перейти на греческий (к сожалению, в житии не сказано, на каком языке они общались прежде), чтобы заключенные не могли их понять и сдать властям. В то же время мусульманин — стражник тюрьмы неожиданно проникся уважением к стойкому Николаю и перед очередным судебным заседанием даже отказался связывать его веревкой, пока сам Николай не попросил это сделать, чтобы не навлечь ни на кого проблем. Кроме того, стражник предложил Николаю подыскать для него лучшее место, но и тогда Николай отказался. Вместе с тем мусульмане — стражи темниц не чураются брать взятки. Как мы уже упоминали, к Николаю в темницу приходило несколько посетителей-христиан, прознавших о благочестии будущего мученика. Для того чтобы встреча состоялась, они заплатили стражнику мзду. Здесь же страж темницы назван «разумным» человеком, с которым у одного из христианских посетителей сложились хорошие отношения⁷.

Нечто похожее мы находим и в южнославянском варианте жития другого софийского святого — Георгия Нового Кратовца⁸. Там стражники также пускают к будущему мученику посетителя — священника Пейо, у которого в доме раньше жил Георгий. Позднее тело мученика, которое мусульмане собирались сжечь на костре, было украдено из-под носа у задремавших на посту стражников. Чтобы избежать наказания, стражи сообщили судье, что тело «внезапно сделалось невидимым». Кадий, который сочувствовал приговоренному им же к казни Георгию, признал произошедшее чудом и отказался от разбирательства⁹.

Любопытно, что в возникшем позднее на пару десятков лет (в 1530-е гг.) русском варианте жития Георгия Нового¹⁰ ничего подобного нет: мусульмане там изображены крайне негативно, включая судью (кадия), что совершенно не характерно южнославянским житиям этого периода. И сам святой Георгий в русской версии жития чувствует себя намного увереннее, открыто хулит мусульманскую веру, прово-

цируя гнев со стороны иноверцев, и не нуждается ни в какой моральной поддержке священника и других посетителей. Соответственно, и образ стража в этом варианте практически не раскрыт и носит однозначно негативный характер. Исследователи объясняют эти различия тем, что перед русским автором состояла задача отрицательно изобразить мусульман. Почти ничего русский автор не знал и о реалиях Османской империи. Вполне возможно и то, что в русской версии жития были перемешаны события из жизни сразу двух святых: Георгия Нового и Георгия Новейшего Софийских¹¹. Последнему, однако, не посвящено ни одного известного нам жития.

Итак, образ стража-мусульманина в славянских житиях неоднозначен. Страж может выступать в качестве достаточно положительного персонажа, который проникается уважением к мученику и старается облегчить его страдания. В то же время ему свойственны человеческие слабости: он может задремать на посту и не чурается брать взятки. Но бывает и так, что страж-мусульманин не отличается от остальных своих единоверцев (изображенных в житиях), которые выражают открытую ненависть по отношению к христианам и в злобе своей причиняют им вред. Сам святой также по-разному, в зависимости от ситуации, относится к стражам порядка. Он может намеренно провоцировать их или поддерживать с ними вполне нормальные отношения. В любом случае проблема межконфессиональных отношений в османском обществе XVI в. требует дополнительного изучения и привлечения других, в том числе османских источников. К сожалению, это выходит за рамки наших тезисов.

Примечания

- ¹ Цибранска-Костова М. Святой и общество: конфликты и ценности («Житие святого Николая Нового Софийского» Матвея Грамматика, XVI в.) // Взгляд на славянскую аксиологию / отв. ред. И.А. Седакова. М., 2019. С. 10. <https://doi.org/10.31168/0428-2.1>
- ² См., например: Градева Р. Българи и турци XV–XVIII в. // Представата за «другия» на Балканите / съст. Н. Данова и др. София: БАН, 1995. С. 47–54; *Она же*. Турците в българската книжнина XV–XVIII в. // Балкански идентичности в бъл-

- гарската култура от модерната епоха / научни ръководители Н. Аретов, Н. Чернокозев. София, 2001. Т. 1. С. 112–134.
- ³ *Турилов А.А.* Житие преподобномученика Антония Супрасльского и славянские жития балканских мучеников XVI в.: К постановке проблемы // *Wiener Slawistischer Almanach. Sonderband*. 2013. Bd. 82. S. 265–275. Подробнее об этом святом см. также: *Он же.* Антоний Супрасльский // *Православная энциклопедия* (далее — ПЭ). М., 2008. Т. 2. С. 680.
- ⁴ Само неизданное житие св. Иоанна Серрского: Государственная национальная библиотека, Одесса. № 1/119. Сборник смешанного содержания («Сборник А. Кухарского»). Л. 367–375 (посл. четв. XVI в.). Подробнее о святом и посвященном ему житии см., например: *Лосева О.В.* Первые новомученики-«автоклиты» — греческие и славянские монахи-святогорцы // *Афон и славянский мир. Материалы международной научной конференции, посвященной 1000-летию присутствия русских на Святой Горе*. Белград, 16–18 мая 2013 г. / сост. Ж.Л. Левшина. М., 2014. Сборник 1. С. 28–34; *Иоанн Серрский* // ПЭ. М., 2015. Т. 24. С. 608.
- ⁵ *Сырку П.А.* Очерки из истории литературных сношений болгар и сербов в XIV–XVII веках. Житие св. Николая Нового Софийского по единственной рукописи XVI в. СПб., 1901. (Сборник отделения русского языка и словесности Императорской Академии Наук. Т. LXXXI. № 2); *Стара българска литература*. София, 1986. Т. 4: Житиеписни творби / съст. Кл. Иванова. С. 308–376. Подробнее о самом святом, посвященном ему житии и его авторе см., например: *Цибранска-Костова М.* Матей Грамматик // ПЭ. М., 2021. Т. 44. С. 210–211; *История на българската средновековна литература* / ред. А. Милтенова. София, 2008. С. 705–707.
- ⁶ *Цибранска-Костова М.* Святой и общество: конфликты и ценности... С. 25.
- ⁷ *Стара българска литература*. София, 1986. Т. 4: Житиеписни творби / съст. Кл. Иванова. С. 358.
- ⁸ *Богдановић Д.* Житије Георгија Кратовца // *Зборник историје књижевности*. Београд, 1976. Књ. 10. С. 230–265.
- ⁹ Там же. С. 258–259.
- ¹⁰ *Калиганов И.И.* Георгий Новый у восточных славян. М., 2000. С. 209–218.
- ¹¹ Подробнее об этом казусе и самих святых см.: *Турилов А.А., Темелски Хр.* Георгий Новый Кратовский // ПЭ. М., 2009. Т. 11. С. 70. *Они же.* Георгий Софийский Новейший // Там же. С. 81–82.